

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА.

Не смотря на полное отчуждение образованного сословія Юго-Западнаго края отъ туземной народной массы, въ теченіи почти двухъ вѣковъ; не смотря на всякія усилія игнорировать и презирать все южно-русское, какъ хлопское,— сословіе это не могло не подчиниться, хотя до нѣкоторой степени, вліянію особенностей края.

Строго ограничиваясь однимъ заимствованіемъ всѣхъ културныхъ элементовъ у коренныхъ поляковъ,— поляки здѣшняго края¹⁾ вынуждены были идти тяжелымъ искусственнымъ путемъ подражательного развитія; почему они и не могли во всѣхъ подробностяхъ выполнить этой несоответственной программы и устоять непоколебимо противъ всякаго вліянія живой органической среды, представляемой народностью и историческими традиціями мѣстнаго племени, отъ которого оторвали ихъ сословныя и религіозно-культурныя увлеченія, но среди котораго, всетаки, приходилось имъ жить и дѣйствовать.

Этимъ объясняется, почему въ здѣшнемъ краѣ, до начала настоящаго столѣтія, мѣстной польской литературы почти не существовало²⁾.

Затѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи было время, когда, подъ вліяніемъ романтизма, возникло нѣкоторое сближеніе съ мѣстною народностію и исторію, что произвело въ польской литературѣ, такъ называемую, *украинскую школу*.

¹⁾ Большинство этихъ поляковъ, какъ известно, состояло изъ ополяченныхъ русскихъ.

²⁾ Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ пока еще мало известныя, но весьма замѣчательныя сочиненія богословско-полемического характера, наводнявшія собою мѣстную польскую письменность особенно конца XVII и начала XVIII столѣтій. Сюда относятся также религіозно-нравственный и гражданскія сатиры известнаго мученика за русское дѣло въ Юго-Западномъ краѣ, энергического сподвижника Палія, Даниила Братковскаго. Лучшая часть этихъ произведеній, проникнутая пламеною преданности русскимъ народнымъ интересамъ и народной святыни, а потому болѣе или менѣе свободная отъ оковъ господствовавшаго тогда схоластицизма,—принадлежитъ исключительно тогдашней русской оппозиціи въ краѣ. К. М.—Данииломъ Братковскимъ издана въ Краковѣ, въ 1697 году, весьма любопытная и рѣдкая, стихами написанная, брошюра: „*Swiat po czesci przejrzany*“ П. Г.

Въ этой литературной школѣ впервые, хотя въ искаженномъ видѣ, получаю право гражданства сюжеты изъ народной исторіи, понятій и быта¹⁾. Въ языкѣ этой школы замѣчаются произвольные украинизмы.

Школа эта распадается на два отдѣла: *козацко-польский* и *шляхетско-польский*. Оба они возникли одновременно въ началѣ 20-хъ годовъ. Имъ положилъ основаніе Антонъ Мальчевскій, своею поэмой „Марья“. Въ этой поэмѣ рисуется преимущественно Украина шляхетская и магнатская; козачество является какъ бы мелькомъ, и то собственно панское; за то чрезвычайно удачно живописуются картины украинской природы. При громадномъ вліяніи, какое имѣла эта поэма на вкусы читающей польской публики, обѣ эти стороны поэмы—дали поводъ къ возникновенію обоимъ упомянутымъ литературнымъ направленіямъ.

Прежде всего возникъ отдѣлъ козацко-польский. Его основалъ Іосифъ Богданъ Залѣскій. Характеръ его поэзіи былъ—объективная лирика. Для характеристики этой поэзіи приведемъ цитаты изъ „Исторіи польской литературы“ Спасовича²⁾.

„Матеріалъ поэзіи Залѣскаго“ — говорить онъ — „составляла козацкая дума, малороссійская пѣсня и сказка“. Революціонная сторона исторіи козачества XVII вѣка, „обрызганная кровью“, противна Залѣскому и по его натурѣ, ясной и мягкой, и по народности, какъ поляку. Онъ и поставленъ былъ въ необходимость вернуться дальше назадъ къ XVI вѣку и воспѣвать события людей, о которыхъ онъ вычиталъ нечто въ старыхъ польскихъ хроникахъ, но которыхъ украинскій народъ успѣлъ перезабыть со временемъ Богдана; наприм. походы запорожцевъ за Черное море, Евстафія Дашкевича, Ляха Сердечнаго (Предслава Ланцкоронскаго), атамана Косинскаго, Сагайдачнаго, ведущаго подъ Хотинъ свои полки подъ начальствомъ королевича Владислава. Всѣ выведенныя лица движутся стройно, рѣзво, красиво, живописно и складно; но въ томъ-то и ложь, что они—не настоящіе, а балетные козаки, что они гладко причесаны, что отъ нихъ несетъ духами, а не дегтемъ и что изъ подъ ихъ булата брызжетъ кровь красными малиновыми струями. Въ этой миниатюрной живописи не отличишь вѣща Бояна отъ Вернигоры, князей и бояръ кіевскихъ отъ Хмельницкаго и Мазепы. Эта способность примирить противоположности и сглаживать диссонансы дѣлаетъ изъ Богдана Залѣскаго настоящаго панслависта“.

¹⁾ Впрочемъ первая попытка ввести въ польскую литературу кой-какіе мотивы изъ южно-русской народной жизни принадлежитъ еще писателямъ золотаго ея періода, именно Галичанамъ — Шимоновичу и І. Зиморовичу, но эта попытка не идетъ дальше буколики и сухихъ повѣствованій.

²⁾ См. 467 и 468 стр. „Обзора Истор. Слав. Лит.“ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. СПБ. 1865.

Одновременно съ Залѣскимъ писалъ Северинъ Гощинскій, мрачный пѣвецъ сувѣрій народныхъ и гайдамачины, которая представлялась ему въ видѣ романтическаго бандитизма. Въ своей интересной поэмѣ „Zamek Kaniowski“ Гощинскій не чуждается уже нѣкоторыхъ мотивовъ и красокъ, ближе подходящихъ къ народному духу и совершенно недоступныхъ наивному паѳосу Залѣскаго.

Послѣдователемъ ихъ былъ Михаилъ Чайковскій прославившійся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ своими повѣстями: „Powiastki i gawѣdy“, „Ukrainki“, „Koszowata“, „Wernyhora“, „Hetman Ukrainy“ и проч. Этотъ писатель того же направленія, что и Залѣскій. Картины украинской природы выходятъ у него почти тѣ же, но только съ излишними подъ-частью аксессуарами; а сцены изъ козацкаго быта грѣшатъ избыtkомъ внѣшней театральности.

Думы Залѣскаго болѣе мягки и меланхоличны и иногда довольно удачно поддѣлываются подъ задушевые мотивы народной пѣсни. У Чайковскаго же преобладаетъ вездѣ холодный эффектъ и разгоряченная фантазія. Оба эти писателя отличились оригинальностью слога; но Чайковскій перещеголялъ въ этомъ своего предшественника. У обоихъ, а особенно у послѣдняго, цѣлая масса украинскихъ словъ и идіотизмовъ. Съ Чайковскимъ, собственно говоря, прекращается козацко-польскій отдѣлъ украинской школы. Созданная этимъ отдѣломъ оригинальная форма литературныхъ произведеній не находитъ себѣ болѣе выдающихся послѣдователей; остаются лишь только мелкіе подражасели. Эластичный языкъ этой литературы, полный украинскихъ словъ, уступаетъ мѣсто въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ изъ народнаго быта обыкновенной разговорной польской рѣчи, значительно впрочемъ имъ обогащенной¹⁾.

Вскорѣ послѣ возникновенія сказанного отдѣла козацко-польской литературной школы, до конца пятидесятыхъ годовъ, были и такие послѣдователи его, которые пробовали писать также на малорусскомъ нарѣчіи, но съ польскими буквами, таковы были: Ф. Падура, С. Осташевскій, А. Шашкевичъ, Д. Бонковскій и др. Только небольшая часть этихъ произведеній была напечатана; остальная большую частью мелкія стихотворенія—проникали въ публику, благодаря тому, что къ нимъ обыкновенно придѣлывались музыкальные мотивы. Большая часть подобныхъ произведеній отличается порядочною аляповатостью.

Для примѣра приведемъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія Падуры, въ которомъ козачество увѣряетъ пановъ въ своей преданности и готовности сражаться за нихъ (sic)²⁾.

¹⁾ Это признаютъ также польские критики.

²⁾ Вместо польского правописанія, мы употребляемъ малорусское.

Не бійтесь лядські діти,
Шійте вино у стола:
Теперъ время вамъ сидѣти,
Якъ підъ криломъ ангелѣ,
Бо спісъ хмара на врага
Гур-ра-а! Гур-ра-га!

Или слѣдующій, изображающій какую-то безпѣльную удачу козацкую:

Закотився місяць въ хмари,
Свище бура по горахъ;
Посунулись нічні мари
Проспатися въ чагарахъ.
Страшно теперъ лебедёві
Задримати зъ берегами
Шумить хвиля на Дніпрові
Підъ залізними стовпами (?);
Але нашъ козакъ не трусь
Схопивъ шаблю, бурку здувъ,
Подивився — скрутівъ вусъ,
Сівъ на чайку та й дмухнувъ
На далеке береже
Піна зъ весла полетить;
Не хай ся той стереже,
Кого птахъ цей заглядить!
Вінъ не любить лестнихъ словъ,
Що тамъ въ небі — вінъ не знає
А на землі знає — кровъ.

А вотъ еще на выдержку нѣсколько стиховъ Бонковскаго, воспѣвающихъ шляхетскій идеалъ козака:

Ой я козакъ — зовусь Воля,
Украинецъ зъ Гуляйполя;
Зъ роду — зъ віку не знатъ пана
Окромъ коша, атамана...
Якъ заглядівъ чорнобриву
Схопивъ въ жменю кіньскую гриву
Въ ногахъ стиснувъ вороного —
Самъ чортъ не втіче відъ нёго!
Де дивчина — тамъ і доля
Де коршомка — тамъ и воля
и т. д.

Или вотъ еще нѣсколько строкъ изъ думки-романса Шашкевича, въ которой козакъ, полюбившій богатую дѣвушку, сантиментально разказываетъ ей про свою участь, говоря что у нея

Есть богатство, славна хата
А въ ті хаті всёго е,
А я бідный сиротица

Степъ лишъ мині рідній братъ,
Шабля, бурка вся родина,
А сивъ коникъ, то мій сватъ
и проч.

Мы нарочно приводимъ эти отрывки, чтобы хотя отчасти познакомить читателей съ духомъ и языкомъ произведеній этого рода и показать, какъ представляли себѣ козаковъ упомянутые писатели. Самымъ худшимъ изъ нихъ былъ Осташевскій, а лучшимъ Бонковскій. Многія изъ произведеній этихъ писателей, какъ мы уже замѣтили, сдѣлались весьма популярными и проникли въ панскія гостинныя, а также при посредствѣ шарманщиковъ и въ массы городскихъ уличниковъ. Такою популярностію славится наприм. полька „Гандзя-цяця молодичка“, сочиненная Бонковскимъ и положенная на ноты Коцишинскимъ. Импровизаціи и пѣсни Шашкевича вездѣ производили фуроръ въ панскихъ домахъ. Украинскія мелодіи, съ которыми познакомили польскую публику въ 30-хъ годахъ Вацлавъ-съ-Олеська и Жегота Паули, а въ 60-хъ Коцишинскій, сдѣлались модными и служили богатою тэмой для композиторовъ, каковы были: Козловскій, Яронскій, М. Завадскій, И. Коморовскій, Ясинскій, К. Любомирскій, Обнискій, даже К. Липинскій, отчасти Монюшко и др. Народныя пѣсни съ мотивами и композиції на темы украинскихъ пѣсень раскупались на расхватъ.

Но вся эта литература козацко-польская, такъ увлекшая собою польскую публику здѣшняго края, чужда строго соціального характера и представляетъ собою идеализацію козачества, далеко не сходною съ историческою дѣйствительностію и бытомъ народа, а музыкальные композиціи на темы украинскихъ мелодій весьма мало имѣютъ общаго съ народною пѣсней.

Весь этотъ химерическій міръ заоблачнаго козачества, съ его мистическими легендами въ родѣ похожденій известнаго миѳа Вернигоры, якобы пророчествовавшаго возрожденіе Польши, съ его фантастическими козаками, сантиментальными мотивами и т. п. вздоромъ, вскорѣ надоѣлъ здѣшнему польскому обществу. Козакофильскій паѳосъ немного остылъ и это выразилось вскорѣ въ произведеніяхъ писателей шляхетско-польского отдѣла польско-украинской литературной школы.

Шляхетско-польскій отдѣлъ этой школы обогатилъ польскую письменность особенно такъ-называемыми *obyczajowemi powieściami* (повѣстями изъ панского и шляхетского быта). Каждый изъ лучшихъ писателей этого отдѣла пробовалъ также писать повѣсти и изъ народной южно-русской жизни, и надо замѣтить, что большая часть изъ нихъ ближе подходила къ дѣйствительности козацкаго и народнаго быта, чѣмъ писателей козацко-польского отдѣла.

Приведемъ здѣсь имена болѣе извѣстныхъ писателей этого отдѣла и назовемъ тѣлько изъ ихъ произведеній, для которыхъ сюжеты взяты были изъ народной жизни. Таковы: І. І. Крашевскій („Ostap Bondarczuk i Taguna“, „Iermola“, „Ulana—powieść poleska“, „Chata za wsią“); І. Корженевскій („Karpaczy górale—dramat“); М. Грабовскій (псевд. Э. Тарша), Koliszczyna i Stepy“, „Stanica Hulajpolska“, „Tajkiry—opowiadanie kurennego“); Г. Ржевускій („Zaporozec“); Марцинковскій (Новосельскій) („Pogranicze Naddnieprzanskie“); А. Гроза („Hryc—dramat“); Марьянъ Эдуардъ („Tymofej Chmielnicki — poemat“); А. Шедлеръ („Semeenko — powieść z życia górali pokuckich“) и другіе болѣе мелкіе писатели.

Кромѣ упомянутыхъ болѣе извѣстные современные писатели, специально бравшіе сюжеты для своихъ произведеній изъ здѣшняго панско-шляхетскаго быта: А. Корженевскій, Є. Ежъ (Милковскій), А. Плугъ (Петкевичъ) и др.

Много также краткихъ замѣтокъ, повѣстей и разсказовъ изъ южно-русской исторіи и быта помѣщалось въ журналахъ „Athaeneum“ изд. Крашевскимъ и „Rusałka“, изд. Грозой. Критическая мнѣнія объ украинской школѣ польской литературы высказаны М. Грабовскимъ, Мицкевичемъ и Бартошевичемъ.

Вообще явленіе козакофильства въ средѣ мѣстной шляхты представляетъ собою отчасти характеръ національнаго атавизма. Въ 30-хъ годахъ это явленіе выразилось особенно рѣзко. Польско-шляхетскіе патріоты подозревали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофиловъ, не смотря на то, что этотъ корифей въ 31 году сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе козакофильство было модой. Козацкія пѣсни распѣвались съ особенной любовью; балагульство приняло козацкій характеръ. Барыни нерѣдко любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Аристократическій дворъ одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича „Farys“) совсѣмъ было окозачилъ (разумѣется въ смыслѣ козако-польскомъ): у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Падура. Въ 1830 году Волынскій отрядъ инсургентовъ подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца) имѣлъ козацкій характеръ. Чайковскій, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи нѣчто въ родѣ козацкой сѣчи изъ разнаго сброва.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ любовью къ идеализированному козачеству, явился интересъ и къ малорусскому народу, къ его исторіи и этнографіи. Чарноцкій издалъ „Исторію Малороссіи“, а въ Галичинѣ въ тридцатыхъ годахъ возникла даже такъ называемая польско-червоно-русская или славянофильская школа, которая въ стремлениі своемъ къ изученію исторіи и древно-

стей южно-русскихъ дошла даже до киевского периода. Болѣе выдающимися изъ писателей этой школы были: Бѣлѣвскій, Семенскій, Дзѣдушицкій, Лозинскій. Послѣдній издалъ также грамматику южно-русского языка. По истории, статистикѣ, топографіи и этнографіи Юго-Западнаго края писали также Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій. Надъ специальнымъ изученіемъ этнографіи малорусского населенія работали: Новосельскій (Марцинковскій), Грабовскій, Руликовскій, Падалица и др.

Въ концѣ 50-хъ годовъ болѣе молодое поколѣніе, въ лицѣ Совинскаго, познакомило польское общество съ малорусскою литературою („*Studia nad literaturą ukraїnską*“), а въ особенности съ произведеніями Шевченки („*Taras Szewczenko, studyum, z dołaczaniem przekładanych „Hajdamaków“, „Naiemnica“*“), „Гайдамаки“ и „Наймичка“ переведены Совинскимъ особенно хорошо. Не менѣе удачень также переводъ Шевченки, сдѣланный Вл. Сырокомлѣй („*Kobzarz Tarasa Szewczenki z małorosyjskiego spolszczonego*“) и переводы Шевченка и отчасти Марки Вовчка, сдѣланные Горжалчинскимъ.

Какъ мы уже замѣтили, вліяніе мѣстной южно-русской народности отразилось и на разговорномъ языке польского общества здѣшняго края. Кромѣ многихъ малорусскихъ словъ, вошедшихъ въ польскій языкъ, что признавалъ также известный польскій критикъ Грабовскій, малорусское вліяніе отразилось и на произношеніи.

Главнѣйшія особенности, выработавшіяся или подъ непосредственнымъ вліяніемъ малорусской рѣчи, или въ косвенной зависимости отъ этого вліянія, слѣдующія: *ié, ia* и *je* (др.-слав. *и*), произносится какъ *i*: *bida, chlib, jisz, ji;* *o, ó=u:* *un, Bug;* *a=o, on, om:* *sonsiad, biego, z lobo;* *e=e, en, em:* *bende;* въ глаголахъ прошедш. врем. вместо *dł, rł* употребляются *d, r:* *wjud, umar;* суффиксы *em, eś, śmy, ście* въ прошедшемъ времени часто не употребительны: *ja, ty, on chodził; my, wy, oni chodzili;* въ часто вместо *ł*, въ дѣепричастіи: *wziowszy; u* вм. *w: u renku;* *é, ie,* и затѣмъ *i,* вм. *e,* — въ винит. падежѣ единств. числа женск. рода: *na ręce, na rękie, na ręki* (вм. *na ręke*); *e* вм. *ej:* *ogrodowe kartofli; cz, ż* вм. *k, g:* *tłucze* вм. *tłuke, siecze* вм. *siekę, struże* вм. *struge;* или эти *g* и *k* іотируются предъ *e* изъ *e:* *mogie, na nogie, tłukie; dzie* вм. *gdzie, gla,* вм. *dla* и т. п.

Языкъ, подвергшійся такому вліянію, сталъ терпимъ не только въ общежитіи, но и въ перепискѣ, хотя въ литературѣ требуется чистота польской рѣчи. Поэтому и является вычурность, такъ какъ рѣчь эта искусственна для поляка здѣшняго края и цѣнится какъ искусство. Въ обыденной же жизни считается даже смѣшнымъ педанствомъ выражаться на совершенно чистомъ польскомъ нарѣчіи.

Польские критики признаютъ классическимъ языкомъ — языкъ польско-украинской литературной школы. Это — понятно, такъ какъ эти писатели вмѣстѣ съ Галицкими наиболѣе обогатили польскую литературу.

Здѣсь не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о литературномъ польскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что современный языкъ польской литературы есть собственно, такъ называемый — малопольскій, т. е. языкъ поляковъ бывшаго воеводства Краковскаго, Сандомиршины, Люблиншины, Галичины, Холмшины и провинцій Юго-Западнаго края. Основатели польской литературы — корифеи золотаго ея периода — уроженцы этихъ областей. Если къ нимъ причислить еще бѣлорусскія области, то окажется, что изъ очерченного нами района вышла чуть не вся группа лучшихъ польскихъ писателей. Мазовія и Велико-Польша не дала почти ни одного имени, достойнаго по праву стать на-ряду съ прославившимися въ польской литературѣ малопольскими писателями. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ польскихъ нарѣчій — люблинское, сандомирское и краковское ближе другихъ подходятъ къ южно-русскому языку *). Естественно поэтому, что русскій языкъ Украины, Полѣсся, Холмшины и Галичины имѣлъ весьма значительную долю вліянія на самый зародышъ настоящаго литературнаго языка.

Въ здѣшнихъ областяхъ еще до XVII ст. вся почти письменность, какъ церковная, такъ и гражданская состояла изъ такъ называемаго западно-русского языка, имѣвшаго официальное значеніе въ краѣ **).

Затѣмъ большинство здѣшнихъ шляхетскихъ родовъ русскаго происхожденія, вмѣстѣ съ ополяченіемъ, должно было привнести и свои диалектическія особенности въ заимствованный ими тогдашній сандомирско-краковскій литературный языкъ, созданный первоначально Реемъ и Кохановскимъ. Эти особенности должны были неминуемо войти въ органическій составъ этого языка, налагая на него своеобразный отпечатокъ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что уже языкъ Шимоновича, червоно-руссаго по происхожденію, писавшаго во второй половинѣ XVI ст., довольно замѣтно разнится отъ языка обоихъ предыдущихъ писателей и ближе подходитъ

*) Люблинское нарѣчіе и восточные говоры краковскаго — служать переходными польскими диалектами, между южно-русскимъ и польскимъ языками.

**) Языкъ этотъ, какъ известно, представляетъ собою механическую смѣсь церковно-славянскихъ, южно-русскихъ и польскихъ элементовъ. Не смотря на свою эфемерность, этотъ языкъ дожилъ и до днѣсъ, господствуя, какъ анахронизмъ, съ значительными, впрочемъ, видоизмѣненіями, въ современной письменности галицкихъ русиновъ.

къ типу современного польского литературного языка; у послѣдователя его Іосифа Зиморовича — галицкаго армянина по происхожденію (начала XVII ст.), это стремленіе вводить южно-русскіе элементы въ языкъ молодой польской литературы — особенно рѣзко выступаетъ въ испещряющихъ его произведенія нетронутыхъ руссицизмахъ. Отсюда-то, въ самомъ началѣ возникла довольно значительная доля лексического сходства, замѣченного при сличеніи литературного польского языка съ живымъ языккомъ южно-русскаго народа. Это первоначальное сходство впослѣдствіи усиливалось еще введеніемъ новыхъ руссицизмовъ писателями романтическаго періода.

Поэтому вопросъ, кто у кого больше заимствовалъ аналогическихъ нынѣ элементовъ, — составляетъ проблемму, не тронутую пока строгою наукой. Но для насъ несомнѣнно, что литературный польскій языкъ своимъ лексическимъ и отчасти синтаксическимъ богатствомъ весьма много обязанъ южно-русскому языку.

Взаключеніе приводимъ списокъ малорусскихъ словъ, вошедшихъ въ разговорную рѣчь поляковъ Юго-Западнаго края. Списокъ этотъ мы заимствуемъ изъ книги доктора А. Кремера, изданной въ Краковѣ въ 1870 году, подъ заглавиемъ: „Słowniczek prowincjalizmów Podolskich, ułożony w Kamienicy Podolskiej w roku 1863“. Само собою разумѣется, списокъ этотъ далеко не полонъ; въ него вошли большою частію слова, позже вошедшія въ польскій языкъ и не получившія еще полнаго гражданства въ литературномъ языкѣ. Малорусскія слова, усвоенные прежде польскою письменностію, теперь уже не такъ легко различаются даже и кореннымъ поляками; тѣмъ не менѣе и этотъ списокъ ясно обнаруживаетъ неизбѣжность и объемъ процесса усвоенія польскою интеллигентіей мѣстныхъ южно-русскихъ словъ и выраженій, которое непрерывно длится со времени первоначального ополяченія южно-русскихъ высшихъ сословій и по настоящее время.

Въ предисловіи къ упомянутой книгѣ авторъ такъ объясняетъ происхожденіе этихъ южно-русскихъ провинціализмовъ въ польской рѣчи „На выработку этихъ особенностей въ польской рѣчи Подолія преимущественное вліяніе имѣлъ языкъ русскій (малорусскій)“. „Вліяніе это объясняется очень легко. Мѣстное русское дворянство, до соединенія его съ Польшей, и долго послѣ этого употребляло еще языкъ русскій, какъ родной, на которомъ имѣло и писанный законъ (Литовскій Статутъ) и употребляло его наравнѣ съ простонародіемъ. Впослѣдствіи же, когда, при болѣе тѣсномъ сближеніи съ Короной и соединеніи съ польской шляхтой, приняло, вмѣсть съ уставами, и языкъ общаго отечества, все-таки не забывало русскаго языка, — поэтому, говоря и по-польски, вносило въ польскую рѣчь обороты

и способы выражениј, живъмъ переведенныя изъ русскаго; присвоило этой рѣчи русскія слова, употребляемыя въ обыденной жизни и въ ежедневныхъ отношеніяхъ своихъ съ крестьянами, особенно же—слова, относящіяся къ означенню земледѣльческихъ орудій и ихъ составныхъ частей, всякой домашней рухляди, жилищъ, полей, лѣсовъ, степей и т. д.“.

Компетентность автора относительно отличенія имъ руссицизмовъ въ польской рѣчи Юго-Западнаго края засвидѣтельствована имъ же самимъ въ началѣ предисловія. Онъ говоритъ слѣдующее: „имѣя возможность въ теченіи 24-лѣтняго пребыванія моего въ Каменцѣ-Подольскомъ прислушиваться къ польской рѣчи тамошнихъ жителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи лучше ихъ приспособленнымъ къ наблюденіямъ надъ видоизмѣненіями, особенностями и оттѣнками тамошней польской рѣчи, такъ какъ въ молодости я жилъ въ Krakowѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, образовалась особая провинциальная рѣчь, на которую не вліялъ ни малорусскій, ни великорусскій языкъ,— я составилъ этотъ небольшой словарь подольскихъ провинциализмовъ“.

Мы выбрали изъ словаря г. Кремера тѣ слова, которыя заимствованы изъ подольского малорусскаго нарѣчія, отступая иногда отъ неточнаго толкованія словъ автора.

Agbuz (гарбузъ)—тыква.

Arkan (съ татарскаго: арканъ).

Atàman (отаманъ)—староста сельский.

Bàba (баба) — повивальная бабка; сельская лѣкарка.

Bàchur (бахуръ).

Bajbàrdzo (байбарзо, байдуже) — нужды нѣть.

Bajstruk (байструкъ) — незаконно-рожденный.

Bajura (баюра, калюжа) — большая лужа.

Bałabuch (балабуха) — лепешка изъ тѣста.

Bałagùla (балагула) — жидовскій извощикъ.

Bałakać (балакати) — балагурить.

Bałasùgu (баласуры) — стеклянныя серьги.

Bałuchy (балухи) — большие глаза.

Bániak (банякъ) — чугунный горшокъ.

Barabòla (бараболя) — картофель.

Bàrda (барда) — русскій топоръ.

Bàsztan (баштанъ) — бацша.

Bèdnia, bódnia (бодна) — сундукъ въ формѣ кадки.

Bélbas (белбасъ) — дѣтина.

Bèłtać (бовтати) — взбалтывать.

Berbenica (бербеница) — хлѣбопѣкная кадушка; квашня.

Beszùcha (бишиха) — болѣзнь рожа.

Bèzdnia, bezòdnia (бездна) — бездна.

Bezhamùlny (безгамульний) — неудержимый, неугомонный.

Bézhar (бѣзгаръ) — избытокъ чего нибудь; слишкомъ высокая цѣна; провѣсь, слишкомъ большой ростъ.

Biczować (бичевати) — подпрягать животныхъ подъ гору, или въ грязныхъ мѣстахъ; podbiczwować kogo — помочь поддержать кого; biczwonik — шесть для четвертой лошади въ упряжкѣ.

Bisnowaty (бісноватий) — завзятый.
Bliżniki (близюкі) — близнецы; два, въ одно слѣпленные горшка, съ одной общею ручкой.
Bołdur (бовдуръ) — болванъ.
Bogichy odprawiać (борухи отправляти) — молиться по Еврейски; городить чепуху.
Bręchać (брехасти) — лгать; лаять.
Brüs (брюсь) — точило.
Buchaniec (буханець) — тумакъ; небольшой хлѣбъ.
Bùczek (бучокъ) — палка.
Burty (бурты) — бурты, въ которыхъ приготавляется селитра.
Burzan (бурьянъ) — сорная трава.
Bylce (бильцѣ) — дерево въ боронахъ, въ которое забиваютъ зубья.
Bylina (билина) — растеньице.
Byrka (бирка) — тонкорунная овца.

Càlec, calizna (цилина) — цѣлина; нетронутая земля; подщочва.
Całuszka (цилушка) — горбушка хлѣба.
Carnik (царникъ) — полки для посуды.
Cèwka (цивка) — кулакъ въ шестернѣ; дудочка, на которую наматываютъ пряжу для челнока при тканьї.
Chabeta (хабета) — дрянная лошадка.
Chantały (хантали) — неуклюжая обувь.
Charki-makohoniki (харки-макогоники, несынітница) — вздоръ.
Charaszać (харашати) — кастрировать.
Chebeta (кебета) — способность къ чему-нибудь.
Chepta (хопта) — охапка сорныхъ травъ.
Chmuz (хмизъ) — хворостъ; всякая мелюзга.
Chodaki (ходакі, постоли) — лапти.

Chrabury (хробурі) — обглоданная кость.
Cikawy (цикавий) — бойкій; любознательный.
Cul (цуль) — родъ мѣры.
Cur-tobie, pek tobie, ot se na! (игай на тебе, очкура на тебе) — чуръ меня; отвяжись отъ меня!
Cwirkać w oczy (циркати въ вічі) — говорить рѣзкости.
Czaban (чабанъ) — пастухъ.
Czabaraszka (чеберачки) — танецъ въ присядку.
Czahar, czaharnyk, ścieluchy (чагарь, чагарникъ, стелюхи) — мелкая лѣсная поросль.
Czemęgu (чемери) — хребетъ у волка (охотничій терминъ).
Czepihy (чепіги) — деревянныя ручки въ плугѣ.
Czer (чири) — губка на букѣ.
Czerha (черга) — очередь.
Czerkicze (черкуси) — родъ сливы.
Czernica (черница) — православная монахиня.
Czerw (черва) — личинки пчель, еще закрытыя въ ячейкахъ.
Czuchrać wełnę (чухрати вовну) — чесать шерсть.
Czortopchajka (чортопхайка) — легкая бричка.
Czuhaj (чугай) — родъ архалука въ Подольской губерніи.
Czyścić (чистити) — кастрировать.
Czupùrno (чепурно) — опрятно.
Danie (дання) — отрава; любовный напитокъ.
Dert' (дерть) — см. осыпка.
Domowina (домовина) — гробъ.
Dorobadło (доробадла) — см. обычайка.
Doświtek (досвітки) — до разсвѣта.
Dranica (драниця) — дрань для крыши.
Drahle (драглі) — студень.
Drań, — drańcie, drantywу (дрань,

дрантъ, дрянтийый) — дрянь, негодный.

Dubyna (дубина) — говорится о неизворотливомъ и тупомъ человѣкѣ.

Dùla (дùля) — шишъ.

Durniczka (дурнічка) — веъщь, доставшаяся даромъ.

Dendować (дендувати) — рысканье лисицы за пищей (охотничье выражение).

Dùnia (диня) — маленькая тыква.

Dywderèwo (дывдерево) — Datura stramonium.

Dzierżak (держакъ) — длинная ручка.

Dzendzurzysty (дженджуристый) — бойкий.

Egzum (гекзомъ) — быстро, скоро (ex nunc).

Fatka (хватка) — сѣтчатый черпакъ для ловли рыбы.

Ficać nogami (хвицати) — лягать ногами.

Futor (хутіръ, хуторъ) — хуторъ.

Gąbka, hubka (губка) — трутъ.

Gać (гать) — гать, плотина.

Gnipić (гніпти) — угнетать.

Gruba (груба) — комнатная печь.

Hadiuka (гадюка) — змѣя.

Haj-haj (гай-гай) — охъ, охъ!

Haić się (гайтись) — медлить, мѣшкать.

Hajda (гайды) пошелъ, по отношению къ лошадамъ.

Hajdaj (гайдай) — пастухъ воловъ.

Hajdamaka (гайдамака) разбойникъ.

Hajduk, hocak (гайдукъ, гоцакъ) — родъ танца.

Hajdur (гайдуръ) — большой неуклюжий человѣкъ.

Hajka (гайка) — промедленіе.

Hawakat' (гавакати) — громко говорить.

Halawa (гальва) — прогалина, поляна.

Halma (гальма) — тормозъ.

Haluszka (галушка) — галушка.

Hamur (гаморъ) — начало ярмарочного движенія и шума.

Hanczurka (гандирка) — тряпка.

Handrýba (гандриба) — большой неуклюжий человѣкъ.

Harmider (гармідеръ) — шумъ.

Hawkać (гавкати) — лаять.

Hen-hen! (генъ-генъ!) воинъ-воинъ!

Hładysz, hładuczczyk (гладущикъ) — кувшинъ для молока.

Hlek, hleczyk (глѣчикъ) — кувшинъ для воды.

Hłemizdać (глемиздати) — неуклюже сдѣлать чтб.

Hłuzdy (глѣзы) — смыслъ, умъ.

Hòdy (гді) — полно! довольно.

Hojdać (гойдати) — качать.

Hojdałka (гойдалка) — качеля.

Holoble (голоблі) — оглобли.

Holopa (голёпа) худая, высокая и неуклюжая женщина.

Hołubić (голубити) — ласкать.

Homen (гдмінъ) — глухой шумъ, говоръ.

Hopsza (гопша) см. Holopa.

Hosteć (гостѣць) — ревматизмъ.

Hreczka (гречка) — гречиха.

Huby (губы) — грибы вообще.

Hurt (гуртъ) — сборище, гурты.

Huzir, huzer (гузиръ и вузиръ) — нижняя часть снопа.

Husac (гицати) — скакать.

Hyczka (гичка) — ботва.

Hydkî (гидкіи) — гадкіе.

Hydota (гидота) — гадость; zhydzić (сгідити) — сгадить.

Huga (гіра) — нерасчесанные волосы, человѣкъ неряха.

Huzki (гіжки) — студень изъ воловыхъ или свиныхъ ногъ.

Iama (яма) — яма.

Iar (яръ) — долина, оврагъ.

Iaruga (яруга) глубокій оврагъ.

Iewir (івиръ) — клинообразная щепка, отдаляющаяся отъ пня при срубкѣ дерева, когда сдѣланы удары топоромъ сверху и снизу.

Inej (иней) — иней.

Istyk (истикъ) — лопатка для выбиванія земли изъ плуга.

Iurek (юркъ) — палочка съ двумя воронками на обоихъ концахъ, сквозь которыхъ продѣвается нитка пряжи при мотаніи ея въ клубокъ; шестикъ, употребляемый жнецами, при вязаніи сноповъ.

Kaban (кабанъ) — кабанъ.

Kaczan (качанъ) — кочерышка.

Kaganiec (каганецъ) — ночникъ.

Kaczka (качка) — крючикъ на дышло, къ которому прикрепляютъ хомуты (насильники); одна изъ принадлежностей при мотаніи пряжи.

Kahla (кагла) — заслонка въ трубѣ; вьюшка.

Kalamucić (каламутти) — мутить.

Kalétkä (калитка) — калита, кошечекъ.

Kandyba (кандиба) — дрянная лошадь.

Kaparzyć (капарыти) — приготовлять дурно пищу.

Karica (карица) — кожаная связь въ цѣпахъ; связь стропиль.

Karakaty (каракати) — родъ лѣтней обуви, въ видѣ башмаковъ.

Karbowniec (карбованецъ) — серебряный рубль.

Kartofla (картопля) — картофель.

Kawon (кавунъ) — арбузъ.

Kazan (казанъ) — котелъ.

Kička (кіцька) — кошка.

Kełbań (ковбаня) — глубокая рытвина въ рѣкѣ.

Kierkować (кірковати) — насмѣхаться, издѣваться.

Kilimek (кілемокъ) — коверчикъ.

Kindinch (кендюхъ) — животъ въ вульгарномъ смыслѣ.

Kiszyć (кішити) — копошиться.

Klamsać (клàцати) — щелкать зубами.

Klania (клàня) — рядъ копенъ на полѣ.

Klaśc (клàсти) — ставить, ложить.

Kłócić (колотити) — взбалтывать.

Kluć (колоти) — раскальвать.

Klucz (ключъ) — одна изъ частей плуга.

Klunia (клуня) — гумно.

Kłupak (клупакъ) — одна изъ частей воза.

Knysz (кнішъ) — особенного вида пшеничный хлѣбъ.

Kocić się (котитись) — катиться.

Kociórubka (коцюрùбка) — овощъ не нормальной формы.

Koczułk (кочукъ) — шкворень у плуга.

Kołaczyk (калачикъ) — скрученные изъ прута кольца.

Kołotucha (колотуха) — сметана, поддѣланная крахмаломъ.

Kołomuże (коломі) — глубокіе выбои, наполненные водою.

Kołomujka (коломійка) — родъ танца и пѣсень.

Kołowrot (коловоріть) — полевая ворота.

Kołpak (ковпакъ) — родъ гриба.

Komulec (комуледъ) — деревянный шестъ у невода.

Koniaka (коняка) — дошадка.

Kwoczka (квочка) — насѣдка; одно изъ созвѣздій.

Korapica (копаниця) — деревянный материалъ для полозьевъ въ санки.

Kopyła (кошилі) — копылья въ сан-
кахъ.
Kordiuk, kurdiuk (курдюкъ) — родъ
болѣзни языка у лошадей и ро-
гатаго скота.
Kogomysło (коромесло) — коромысло;
двухплечій рычагъ для ношенія
воды.
Kosa (коса) — коса у женщинъ.
Kostomacha (костомаха) — большая
кость.
Kostopraw (костоправъ) — косто-
правъ.
Kosznica (кошница) — высокая пле-
тёнка изъ хвороста, для хране-
нія кукурузы.
Kowbica (кобвица) — ножки для
скамеекъ, вкопанныя въ землю.
Kozak (козакъ) — назв. танца.
Koźliny (козлини) — жерди, поло-
женныя на крышу для укрѣпле-
нія ея.
Krąglak (круглякъ) — толстый отру-
бокъ дерева.
Kraszanka (крашанка) — крашеное
яйцо на Свѣтлый праздникъ.
Krop (крішъ) — укропъ.
Krychta (крихта) — маленький кусо-
чекъ; дробная часть чего-нибудь.
Krywnica (криница) — выкопанный
въ низменности неглубокій ко-
лодезь.
Kubło (кублѣ) — гнѣздо; круглый,
выдолбленный сосудъ для воды.
Kuczma (кучма) — старая барашко-
вая шапка.
Kulbabá (кульбаба) — родъ расте-
нія.
Kulész (кулішъ) — жидкая кашица.
Kuniać (куніти) — дремать.
Kurzeń (курінь) — шалашъ.
Kuszka (кушка) — родъ деревянного
сосуда у косарей, въ которомъ
можетъ точило.
Kutia (кутія) — родъ каши.

Kwasza (кваша) — особое кушанье.
Łabudać (лабудати) — съ трудомъ
понимать. Wyłabudać sie z kłó-
potu — вылѣзть изъ бѣды.
Łasować (ласовати) — лакомиться.
Łasun (ласунъ) — лакомка.
Łasy (ласій) — лакомый.
Legejda (легейда) — неповоротливый,
лѣнивый человѣкъ.
Lemiszka (лемішка) — густая каши-
ца изъ муки.
Létnik (лѣтникъ) — юбка изъ шер-
стяной матеріи.
Lewada (левада) — усадебный съно-
кось.
Liman (лиманъ) — заливы устья рѣкъ
въ морѣ.
Loch (лѣхъ) — погребъ.
Locha (лѣха) — свинья уже родив-
шая.
Łokszyna (локшина) — лапша.
Łopacień (лопатень) — буравъ для
верченія дыръ въ колодкахъ для
колесъ.
Łopata (лопата) — лопата.
Łosze (лоша) — жеребенокъ.
Łukawy (лукавый) — коварный.
Lulka (люлька) — трубка.

Moczulec (мочулець) кроква, упо-
требляемая на *риштуванне*, т. е.
на лѣса, при постройкѣ зданій.
Majaczyć (маячити) — показывать и
вновь исчезать.
Malik (маліковатый) — конь неспо-
собный къ труду; повѣрье о немъ
такое-же, какъ и о двужильномъ
конѣ.
Majdan (майданъ) — мѣсто, гдѣ при-
готавливается поташъ или селитра.
Makohon (макогонъ) — пестикъ, упо-
требляемый для растиранія чего-
нибудь въ кринкѣ; шесть подпи-
раемыхъ подъ телѣгу, когда сло-

- мится ось; употребляется въ смыслѣ отказа жениху невѣстой.
- Makótra (макітра) — кринка.
- Mamałyga (мамалига) густая кашица изъ кукурузяной муки.
- Matoczyny (мáточины) — головы въ колесъ.
- Maza (мáжа) — чумацкій возъ.
- Miszures (мишурись) — жидовскій слуга.
- Muzynek (мизинець) — малый палецъ.
- Młaka (млака) — лугъ на высохшемъ озерѣ.
- Mogilki (могилки) — кладбище.
- Mohorycz (могорицъ) — угощеніе за что либо.
- Manaster (монастырь) — монастырь.
- Morda (морда) — см. лицо.
- Moroka, zamoroka (морока и заморока) — хлопоты.
- Móskal (москаль) — солдатъ.
- Muc, mucus (муцъ, музыкъ) — небольшая лошадь.
- Mud (мудь) — презрительное название мужика.
- Murga (мурга) — моргъ, нѣсколько болѣе десятины.
- Murmyło (мурмило) — неуклюжій.
- Mumka (мымка) — дойное животное, въ которомъ одна или болѣе соска не дѣйствуетъ.
- Mytuś (мýтусь) — положеніе à la soixante-neuf.
- Nahajka (нагайка) — кнутъ.
- Najmyt, najmuczka (наймить, наймичка) — работникъ, работница, нанятая на сроки.
- Nakiwać komu — (накивати) угрожать.
- Nakorenek (накорінокъ) — корень.
- Nałigacz (налигачъ) — веревка, которую накладываютъ на рога двухъ воловъ, чтобы ихъ вестъ.

- Namitka (намітка) — головной уборъ изъ кисей.
- Namorznie (наморожне) — поперечные связи копыльевъ въ саняхъ.
- Ná-prach (на-прахъ) — до тла.
- Na-pohybel (на-погибель) — на несчастье.
- Násad (насадъ), — та часть въ возѣ, которая накладывается на ось.
- Na-się (на-силу) — еле-еле.
- Niebrat, nieklub (неклуби) деревянные шорницкіе клещи.
- Nebelyca (небилица).
- Nieczysta siła (несчиста сила) дьяволъ.
- Niedosoli (недосоли) — не до того.
- Niepotrzebny (непотрібный) — негодный.
- Niesamowity (несамовитий) — самъ-не свой.
- Noc-morze! (нічъ-море!) — длинная ночь.
- Nowina, nowizna (новина) — новь.
- Noworola (новороля) — земля, приготовленная подъ яръ.
- Nyc (ницъ) — ницъ.
- Nykać (никати) — переглядываться; кидаться во всѣ стороны; шататься, ища чего-то.
- Obnoże (обніжъя) — связь между ножками стола, обножки на ногахъ пчёлъ.
- Obóisko, obój (обоісько) — лѣнивое животное, сносящее терпѣливо ударъ.
- Obyczajka (обычайка).
- Ochajic (охаятися) — очиститься.
- Ocurek (оцупокъ) — кусокъ бревна.
- Oczeret (очерѣть) — тростникъ.
- Oczkuri (очкиуръ) — ременный полсокъ.
- Oczorgiało (очортіло) — надобло, оправтывло.

Oddać się (віддатися) — выйти замужъ.
Oklenie (оклінне) — клинья, употребляемое сапожниками.
Oko (око) — мѣра вѣса — три фунта.
Okłat (околоть) — обмолоченный, но не вполнѣ вымолоченный снопъ.
Okopisko (окописко) — жидовское кладбище.
Okrasa (окраса) — приправа къ кушанью.
Ondzie (онде) — тамъ, вонъ-тамъ.
Opecek (опецокъ) — тоже, что *ouuponokz*; всякое животное малое, жирное.
Osełedeć (оселедець) — хохоль на головѣ.
Oskard (оскардъ) — молотокъ для насѣчки мельничныхъ жернововъ.
Osniak (оснякъ) — снарядъ для стрганья обручей.
Osoka (осокá) — осока.
Ostrzeszek (острішокъ) — кровля изъ соломы на плетнѣ.
Ostrzeszyna (острішина) — болѣе толстая латы на крышѣ вверху.
Osypka (осипка) — крупный помоль, для обсыпанья корма для животныхъ.
Otawa (отава) — во второй разъ собранныя съ одного мѣста травы.
Owwá! (овва!) — восклицаніе недовѣрія.
Oździe! (ось-де!) — здѣсь.
Paciuk (пацикъ) — большой поросенокъ.
Paczkowóz (пачковозъ) — контрабандистъ.
Padalica (падалица) — все, выростающее самосѣвомъ.
Pałamarowác (паламороваты) — исполнять должность пономаря; распоряжаться въ чужомъ.
Pañuba (палуба) — крышка для улья.

Pampuszka (пампушка) — лепёшка.
Panewka (панівка) — сковорода въ маслобойнѣ.
Pantałyk (панталикъ) — толкъ, смыслъ.
Pantrować (пантровати) — подстерегать.
Papuszka (папушка) — небольшая связочка курительного табаку.
Par (паръ) — пахать на паръ.
Parastas (парастасъ) — поминовеніе души умершаго.
Ragrać (пёрпати).
Pasenkować (пасынкувати) — обрывать побѣги на растеніяхъ.
Patoka (патока) — чистый мёдъ.
Patłaty, pełechaty (патлатый, пелехатый) — человѣкъ съ длинными всклокочеными волосами.
Perebendiować (перебендювати) — переливать изъ пустаго въ порожнее.
Perékički (перекидки) — кувыркомъ.
Perekoty-pole (перекоти-поле) — перекати-поле.
Perewerty (переверти) — кувырканье.
Peristy (перистий) — рабой быкъ.
Perkonosy (кирноносий) — курносый человѣкъ.
Pieczony rak (печений ракъ) — цыганскій танецъ.
Pilipówka (пилицівка) — Филипповъ постъ.
Petrówka (петрівка) — Петровъ постъ.
Pisanka (пісанка) — росписанное яйцо на Пасху.
Piweń (півень) — пѣтухъ.
Płónka (ополонка) — прорубъ во льду.
Płowy (половій) — сѣрый съ желтоватыми оттѣнками волъ.
Poberežnik (побережникъ) — лѣсной сторожъ.
Podoba (подоба) — подобаетъ.
Pódek (підъ) — полъ, на которомъ въ мельницѣ лежать каменъя.
Podmagúlio (подмагулити) — обмануть.

Podpada (підпадає) — подходитъ времѧ, приходится.
Podpiąć (підішьсти) — подвязать.
Podtoki (підтоки) — связь передней оси съ задней.
Poduzać (подужити) — одолѣть.
Pohany (поганый) — скверный.
Pokrytka (покритка) — дѣвушка, привившая ребенка.
Pokucie (покуття) — красный уголъ въ избѣ.
Połohy (пологі) — луга вдоль рѣки.
Połonica (полуныця) — земляника.
Połoz (полозъ) — копыль въ саняхъ.
Połudenek (полудникъ) — полдникъ.
Połyki (полики) — вышивки на плечахъ рукавовъ рубахи.
Pomieć (поміть) — жать, не вязавши въ споны.
Pamoroka (паморока) — толкъ, смыслъ.
Popaść (попасти) — потрафить.
Popowicz (поповичъ).
Poradna godzina (порадна година) — счастливый часъ.
Poręb (порубъ).
Posipaka (посіпака) — взяточникъ.
Posześć (пощесть) — повѣтrie.
Postoły (постоли) — лапти.
Poswit (посвѣтъ).
Poterucha (потеруха) — мелкій табакъ.
Poturnak (потурнакъ) — глуповатый.
Potylica (потилица) — затылокъ.
Potycze (потерчá) — дитя, умершее безъ крещенія.
Prażucha (пражуха) — кашица изъ поджареной муки.
Projdyświt (пройдисвѣтъ) — бродяга, плутъ.
Pronoza (проноза) — пронырливый, пройдоха.
Prugharę (прихапці) — урывками.
Przejąć (переймѣти) — перенимать напр. пѣсню; остановить, забѣжавши навстрѣчу.

Przeglaz (перелазъ).
Przychwycić się (прихватитися) пристать сильно къ кушанью, ъсть съ жадностью.
Przydać się (придатись) — имѣть сходство съ кѣмъ.
Przykłotek (приколотокъ) — кули соломы, употребляемые для крыши.
Przynuka (принука) — принужденіе.
Przysiady (присяды) — танецъ.
Przystąpiło (приступило).
Przyźba (призьба) — завалина.
Pustota (постота) — шалость.
Puzo (пузо) — брюхо.

Rantuch (рантухъ или намітка) — женскій уборъ головной.
Razowina (разовіна) — поле, одинъ разъ вспаханное для посѣва.
Ręczniki (рушники) — полотенца.
Repetować (репетовати) — кричать.
Reptiuch (рептухъ) — мѣшокъ для кормленія лошадей.
Robota (робота) — заторъ, изъ котого извлекается спиртъ.
Róga (рога) — роги.
Rozbachàny (розбуханий) — ростолстѣвшій.
Rozczachnać się (розчахнутися) — расколоться.
Rozhlebizdany (розглемезданный) — обтёртый, размолотый.
Rozwodzień (розводень) — клинъ для раскалыванія длинныхъ бревенъ.
Rubel (рубель) — жердь для придавливанія сѣна или сноповъ при перевозкѣ.
RUBLÓWKA (рублѣвка) — кредитный билетъ въ рубль.
Ryń (ринь) — наосы, образуемые вешнею водою, на Даѣстрѣ.
Rupić (рипіти) — скрипѣть.
Rzéczka (річка) — рѣчка.

Rzemienna droga (рамінна дорога) — слѣды, образуемые колёсами на глинистой почвѣ.

Rzepiak (репъякъ) — репейникъ.

Rzepka (рішка) — одинъ изъ видовъ яблокъ.

Sałocha (солоха) — толстая женщина, ротозѣйка.

Sápa (сада) — мотыга.

Sałhan (салганъ) — процессъ сниманія сала съ животныхъ.

Sapać (сапати) — мотыжить.

Sakotúcha (докотуха) — болтунья.

Ścianka (стінка) — небольшой лѣсокъ на краю оврага.

Ścieluchy (стелюха) — кустарникъ.

Serce, duszko, lubciú, królu, królów (сердце, душко, люблю, крале) ласкательные слова.

Siedzieć (седіти) — поселиться.

Siekiernik (сокорникъ) — плотникъ.

Sinica (суница) — полевая земляника.

Siry (сірий) — сѣрый.

Skałka (скалка) — лучина.

Skibka (скибка) — кусокъ.

Skiczka (скичка) — лягушка, а также человѣкъ или женщина юркіе, сплетники.

Skopiec (скопити) — оскопить.

Skręt (скрутъ) — часть телѣги, поворачивающаяся на шкворнѣ.

Ślipie zalać, trynkac̄ sobie (сліпи залити) — напиться пьянымъ.

Sloboda, slobódka (слобода, слободка) — слобода.

Smyk (смикъ).

Snaść (снасть) — вчернѣ сдѣланная телега.

Snidanek (сніданокъ) — завтракъ.

Snizka (снізка) — одна изъ частей ярма.

Snozy (снози) — тонкіе прутики въ ульѣ для поддержания сотовъ.

Sobaka (собака) — собака.

Sól (соль) — въ смыслѣ каменной соли.

Solić (солити) — въ смыслѣ квасить.

Sołod (солодъ).

Sonica см. sinica.

Spasówka (спасовка) — Успенской посты.

Spekać się (спекатись) — отвязаться.

Spłuch (сплюхъ) — говорится о зайцѣ при дѣтяхъ, чтобы они спали; вѣрять, что если сказать въ этомъ случаѣ заяцъ, то дѣти будутъ спать.

Sprawiedliwy (справедливий) — правдивый.

Stercić (стирчи) — складывать въ скирды.

Storożka (сторожка) — чека.

Stowba (стовба) — одна изъ частей плуга.

Strąbić (струбити) — истребить зерно въ снопахъ.

Strzyżak (стрижикъ) — молодой конь съ остриженной гривой.

Suchowija (суховія) — холодная, вѣтренная, но безснѣжная дорога.

Supiłka (супілка) — дудочка.

Surowy (суроый) — сырой.

Swidny (свидний) — недозрѣлый хлѣбъ.

Świętować kogo (святковати) — чтить, уважать.

Stojka, stójkę odbywać (стійка) — отбывать подводную повинность.

Swita (свита) — верхняя одежда.

Synek (синокъ) — сынокъ.

Sypanka (ссипанка) — большая кадушка для ссыпки хлѣба.

Syroiszka (сироішка) — видъ грибовъ.

Sýta (сита) — разведенный мѣдъ.

Szalówka (шалёвка) — доска въ дюймъ толщины.

- Szarować (шаровати) — мотыжить и размножать кукурузу.
- Szczezać (сchezнути) — исчезнуть.
- Szelepać (шелепать) — шелестить.
- Szkandydać (шкандинати) — хромать.
- Szkrady (скарбани) — острая обувь.
- Szkleptać, skromadzić (скребти) — оскребывать.
- Szleje (шиля) — хомутъ на пристяж-наго коня.
- Szlucha (шлюха) — неопрятная женщина, безнравственная.
- Szmat (шматъ) — кусокъ.
- Szmiga (шмига) — орудіе плотницкое.
- Szperka (шперка) — брюшное сало.
- Szulak (шулакъ) — ястребъ.
- Szustać (шустати) — см. оручаć.
- Szybać się (шибатися) — толочься.
- Szyszyna (шипшина) — шиповникъ.
- Tabun (табунъ) — стадо лошадей.
- Taj (та й) — вм. союза и.
- Taki (таки) — все-таки.
- Talka (талька) — смотанныя нитки.
- Telbuchy (тельбухи) — внутренности, потроха.
- Telepać się, telepić się (телепатися) — болтаться.
- Tłumić się, hłumić się (тлумитися, глумитися) — издѣваться.
- Tóczek (точокъ) — мѣсто, на которомъ ставятся ульи.
- Tolk (толкъ) — ладъ.
- Tropak (тропакъ) — танецъ.
- Tristia (тріста) — болотистое мѣсто.
- Trzéć (терти) — распиливать.
- Tuman (туманъ) — туманъ.
- Utiu! (утю!) — призывъ утокъ.
- Wertepy (вертепы) — недоступныя мѣста.
- Wiać się (віятися) — побрести.
- Wieczornica (вечерница) — посидѣлки.

- Wiernik (вірникъ) — повѣренный.
- Wiedma (відьма) — вѣдьма.
- Więrszyć stertę (вершити скирти) — вершить скирду.
- Wijce (війце) — дышло для второй пары воловъ въ плугъ.
- Włok (волокъ) — сѣть для рыбы.
- Wnadzić się, zanadzić się (внадить-ся) — зачастить.
- Wól murga-murgaty (вільморугій) — полосатый.
- bałan (баланъ) — свѣтло-жол-тый.
- łasij (ласій) — у котораго хре-беть темнѣе остальной части.
- żuk (жукъ) — чорный.
- kozij (коzій) — съ рогами, на-клоненными назадъ.
- guła (гула) — съ рогами корот-кими толстыми, наклоненными къ землѣ.
- zora (зора) — съ поднятымъ челомъ и веселымъ взглядомъ.
- ponyta (понита) — противопо-ложенъ предъидущему.
- Призывы птицъ:
- на куръ, cíp, cíp (ципъ, ціпъ).
- ” утокъ, tas, tas (тасъ, тасъ).
- ” гусей hus, hus (гусь, гусь).
- ” индюковъ, kur, kur (куръ, куръ).
- ” свиней, kuć, kuć (куцъ, куцъ).
- ” лошадей, koś, koś (косъ, кось).
- ” телятъ, a keć, a luszki (а кеcъ, а лушкі)
- ” жеребятъ cos cos (косъ, кось).
- ” овецъ, na byr, na byr (на бирь, на бирь).
- ” кота, keć, keć (кіцъ, кіцъ).
- Погоняя воловъ направо cza, cabc (цабе).
- Погоняя воловъ налѣво hejs, sob, (собъ) — направо hettia, hetta (гет-тя, гетта) — налѣво wista, wistia (віста, вісhta).
- Wolochaty (вoloхатій) — косматый

Wurda (юрда) — жмыхи конопляныхъ сѣмянь и другихъ.

Wybōj (выбой) — выбой на дорогахъ.

Wygon (вигонъ) — выгонъ.

Wypłocz (виполочъ) — рытвина.

Wytrébeńki (витребеніе) — выдумки.

Wywłoka (виволока) — изъѣзженная лошадь.

Wyżyć (вижити) — пережить.

W zahał (загаломъ) — сплошь-да-рядомъ.

Za (за) — про, о.

Zabahać (забожати) — пожелать.

Zabud'ko (забудъко) — человѣкъ со слабой памятью.

Zachyścić (захистити) — защитить.

Zahalnica (загалниця) — заговѣны.

Zahomysty (загонистой) — заносчивый.

Zakalec (закалець) — нехорошо выпеченная часть хлѣба.

Zakoleśnik (заколесникъ).

Zakryszka (закришка).

Zamoroka (заморока) — хлопоты.

Zanadzić się (занадитися) — зачастить.

Zanizka (занізка) — см. snizka.

Zaszmorg (зашморгъ) — петля.

Zatoka (затока) — раскаты на зимней дорогѣ.

Zatykać się (затыкатися) — украсить голову цветами.

Zawiartka (завертка) — засовъ въ дверяхъ.

Zawodzić (заводити) — запѣвать жалостныя пѣсни.

Zawoźno (завозно) — когда въ мельницу привезено много зерна.

Zdybać się (здибатися) — встрѣтиться.

Zelazo (залізо) — вм. żelazo.

Zgliwiały sér (глизавий сиръ) — гніюшій сыръ.

Ziembl' (зябля) — паханье для яроваго хлѣба съ осени.

Zirkoc, zerkać (зіркати) — взглядывать.

Zirkaty (зіркатой, зіркатий) — человѣкъ со сверкающимъ взоромъ.

Znajda (знайда) — найдёнышъ.

Znosek (зносокъ) — послѣдній приплодъ.

Zubosz (зубочъ) — косогоръ.

Żyzka (жижка) — юкра.

КОРЕННЫЯ ПРИЧИНЫ АНТАГОНИЗМА СЪ ВЕЛИКОРУССАМИ И ИЗМѢНЕНИЕ ВЪ БЫТЬ ПОЛЯКОВЪ СО ВРЕМЕНИ НЕУДАЧИ ПОВСТАНИЯ.

Историческая жизнь Польши, какъ олигархической республики, пришедшей въ концѣ своего существованія къ анархіи, отразилась на всемъ складѣ быта поляковъ. Въ западномъ же краѣ,— они явились чуждымъ для народа привилегированнымъ сословіемъ. Аристократизмъ и исключительность положенія создали романическій и, въ то же время, политическо-мистический характеръ міровоззрѣнія: эффектность и манерность въ жизни. Эти явленія препятствовали развитію критики, развитію реализма, конечно разумно понятаго. Созданный исключительностью положенія здѣшнихъ поляковъ, терроризмъ общественного мнѣнія препятствовалъ, ревниво охраняя собою традиціозность соціально-религіозныхъ догматовъ и порождала крайнюю національную замкнутость, нетерпимость и парадоксальное самообожаніе. Понятно, что при такомъ характерѣ здѣшняго польского общества, оно не могло относиться сочувственно къ русской культурѣ,— помимо даже политического антагонизма. Русское интеллигентное общество всегда было демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направленіе, самообличеніе и стремленіе стражнуть съ себя всякой романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужицкимъ государствомъ,— ея интеллигентція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ.

Еще Чапкій ясно сознавалъ, что причина антагонизма между поляками и русскими заключается главнымъ образомъ въ стремлениі обоихъ къ политическому и нравственному преобладанію въ славянскомъ мірѣ. Но онъ неправильно понималъ преимущество польской цивилизациі. Онъ смотрѣлъ только съ политической точки зрѣнія и указывалъ на склонность Польши къ федераціи; но онъ забылъ, какого рода федерацію любила Польша и чѣмъ разрѣшилась ея пресловутые *raста conventa*. Онъ забылъ, что польская федерація была федераціею для шляхты, а не для народовъ, что шляхта для того соединялась, чтобы лучше узурпировать народъ. Теорія эта осмыслила въ

глазахъ поляковъ ихъ политическія стремленія; они стали себя считать передовыми народомъ въ славянской семье, — французами славянского міра, а Мицкевичъ и Красинскій возвели даже свой народъ въ новаго политического мессію всего человѣчества. Въ то время, какъ польское общество уточнѣло въ подобныхъ фантазіяхъ, русское общество шагъ-за-шагомъ шло по пути соціального прогресса. Въ этомъ коренномъ различіи культуръ заключается коренная, хотя, можетъ быть, не сознаваемая, причина антагонизма. Но кромѣ этой есть еще двѣ не менѣе сильныя причины.

Раздѣленіе Польши между тремя государствами должно было развить въ полякахъ политической сепаратизмъ. Будь Польша присоединена къ одному государству, можетъ быть она сближалась бы съ нимъ, но будучи раздѣлена и находясь подъ тремя разнообразными вліяніями, — она неминуемо должна была создать въ своихъ патріотахъ сепаративныя стремленія. Поляки не могли не сознавать, что только цѣльное возстановленіе Польши можетъ дать единство польской народности, — сохранить эту народность. Они сознавали, что еслибы даже въ одномъ государствѣ этой народности было хорошо, то въ другихъ двухъ ея положеніе не обеспечено. Нельзя не признать, что раздѣлъ Польши былъ печальнымъ явленіемъ. Эта нація очутилась въ трагическомъ положеніи. Это положеніе, какъ мы сказали, вело къ сепаратизму, а слѣдовательно къ враждебнымъ чувствамъ по отношенію къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему русскому. Третья причина — совершенное почти незнакомство пановъ съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для поляковъ здѣшняго края русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали и относились къ ней съ пренебреженіемъ. Вообще во мнѣніи поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніями. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ библіотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до сороковыхъ годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было, — было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій. Только съ сороковыхъ годовъ, а въ особенности съ 1855 года русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается нѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ. Новая эпоха въ жизни польского общества здѣшняго края началась съ 1863 года. Послѣднее повстаніе, какъ нельзя больше доказало всю несостоятельность и мечтательность польского патріотизма въ здѣшнемъ краѣ. Надо удивляться тому непониманію, той слѣпотѣ, которыми только можетъ быть объяснена безтактность инсуррекціи. Послѣ того, какъ 19 февраля

разорвало узы крѣпостнаго права и освободило народъ отъ панскаго владычества — паны затѣваютъ повстаніе. Они забыли историческую вражду русскаго православнаго народа къ католическому польскому панству, мало того, они приглашали народъ возстать противъ того правительства, которое, освободивъ его отъ рабства, удовлетворило, наконецъ многовѣковыя мечты и стремленія этого народа, стоявшія ему столько крови и горя. Врядъ ли можно найти въ исторіи подобную политическую наивность, погубившую столько молодыхъ силъ! Надо благодарить Бога, что восстаніе не привело къ болѣе печальнымъ результатамъ. Не будь сдержана правительственными мѣрами народная масса, зреюще было бы ужасное! Это должно сознать здѣшнее польское общество. Народъ въ этомъ краѣ привыкъ къ мысли, что правительство защищало помѣщиковъ, что оно не терпитъ самоуправства. Недавнія экзекуціи ихъ въ этомъ убѣждали. Это только и было главнѣйшимъ образомъ причиной той сдержанности, съ которой велъ себя народъ во время повстанія. Значительная часть поляковъ въ краѣ не сочувствовала повстанію и теперь съ гордымъ упрекомъ относится къ мечтателямъ, погубившимъ себя.

Но какъ ни печально было это явленіе, оно привело къ благотворнымъ результатамъ. Русское общество и русское правительство поняли историческую ошибку, по отношенію къ "руssкому народу здѣшняго края. Явился обязательный выкупъ, давшій самостоятельное положеніе здѣшнему крестьянству. Наконецъ-то западный край признанъ русскимъ. Странное явленіе! Коренной древній русскій край „откуда пошла есть русская земля“, коренной русскій народъ такъ долго игнорировались. Неудача повстанія, энергія правительства въ возстановленіи русскаго характера края — произвели на польское общество глубокое впечатлѣніе. Оно, высокомѣрно смотрѣвшее на русскихъ, видя цѣлый рядъ реформъ, совершившихся въ Россіи въ короткое время, видя сильное развитіе литературы и науки, видя нравственный прогрессъ русскаго общества, не могло не почувствовать смущенія, не могло въ душѣ не признать нравственнаго первенства Россіи въ славянской семье, чemu лучшимъ выраженіемъ служили явленія съѣзда славянъ въ Москвѣ, во время этнографической выставки; тутъ-то поляки должны были призадуматься и отнести критически къ своимъ политическимъ стремленіямъ и неудачамъ. Поэтому не удивительно, что въ польскомъ обществѣ начинаетъ проявляться скептицизмъ. Среди поляковъ подымаются голоса, хотя еще и слабые, о необходимости сближенія съ славянскимъ міромъ, въ томъ числѣ и съ Россіей. Начинаютъ признавать, что Россія идетъ по пути прогресса. Франко-прусская война и крутыя мѣры онѣмечивания переполошили польскую интеллигенцію. Начинаютъ понимать, откуда грозить опасность, уже не политическому бытю, а бытю національности, тамъ гдѣ она — сплошная славянская.

СТАТИСТИЧЕСКИЯ ДАННЫЯ О КАТОЛИКАХЪ, ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѣ И О ПОЛЯКАХЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Понятія „католикъ“ и „полякъ“ въ здѣшнемъ краѣ часто смѣшивались, и потому цифра поляковъ являлась весьма крупною. Этой ошибки не избѣгли и статистические комитеты при составленіи списковъ населенныхъ мѣстъ, и въ этихъ спискахъ число католиковъ и число поляковъ тождественны. Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности это далеко не такъ. Чтобы не впасть въ подобную ошибку, я хотя и имѣлъ подъ рукою списки населенныхъ мѣстъ, но тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ затребовать по каждому католическому приходу отдельно списки принадлежащихъ къ приходу поселеній, съ обозначеніемъ въ каждомъ числа прихожанъ по сословіямъ. Затѣмъ, во время поѣздокъ по краю, я старался изучить: на сколько каждое сословіе католиковъ можетъ быть причислено къ числу поляковъ, такъ какъ по одной религіи неблагоразумно было бы зачислять въ число поляковъ тѣхъ, кто, за исключеніемъ религіи, ни по языку, ни по нравамъ, ни по сознанію, не можетъ быть причисленъ къ составу польской національности здѣшняго края.

Въ этнографическомъ очеркѣ мы уже коснулись этого вопроса. Ниже, по изложеніи статистическихъ данныхъ о каждомъ сословіи католиковъ, мы указываемъ, на сколько это сословіе можетъ быть причислено къ составу польского населенія; затѣмъ излагаемъ самыя данная о полякахъ.

Къ этому очерку прилагается карта. На ней извѣстною степенью густоты краски выражено процентное отношеніе числа католиковъ къ числу православныхъ каждого уѣзда. Литерами означено абсолютное число католиковъ въ каждомъ уѣздѣ. Цвѣтными литерами означено процентное отношеніе поляковъ къ малоруссамъ. Въ числѣ послѣднихъ принято во вниманіе, какъ число православныхъ, такъ и католиковъ малоруссовъ, на основаніи этнографическихъ признаковъ. На картѣ принято особое обозначеніе уѣздовъ,

въ которыхъ преобладаютъ въ числѣ католиковъ поляки; гдѣ эти послѣдніе составляютъ половину католического населенія; а равно, гдѣ въ числѣ католиковъ преобладаютъ малоруссы. На карту нанесены также населенные мѣстности, въ которыхъ проживаетъ болѣе 200 душъ католиковъ. Такимъ образомъ, карта даетъ понятіе, какъ о католикахъ вообще, такъ и о полякахъ въ частности.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО КАТОЛИКОВЪ.

Название губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Киевская губернія.			
Бердичевскій	7,631	8,217	15,848
Сквирскій	3,903	3,940	7,843
Радомысьльскій	3,167	3,235	6,402
Васильковскій	3,145	3,136	6,281
Кіевскій	2,521	2,830	5,351
Липовецкій	2,250	2,337	4,587
Таращанскій	1,323	1,264	2,587
Звенигородскій	991	1,014	2,005
Уманскій	987	946	1,933
Каневскій	733	755	1,488
Черкасскій	727	739	1,466
Чигиринскій	267	288	555
Итого въ губерніи	27,645	28,701	56,346

Подольская губернія.

Проскуровскій	19,352	19,717	39,069
Каменецъ-Подольскій	15,284	15,748	31,032
Ушицкій	10,297	10,628	20,925
Могилевскій	9,789	10,122	19,911
Летичевскій	7,986	8,226	16,212
Ямпольскій	7,456	7,769	15,225
Винницкій	7,796	7,064	14,860
Литинскій	6,598	6,675	13,273
Брацлавскій	4,809	5,196	10,005
Балтскій	3,785	3,457	7,242

Название губерній и уездовъ.	Мужч.	Женщ.	И т о г о .
Ольгопольский	3,588	3,614	7,202
Гайсинский	2,746	2,961	5,707
Итого въ губерніи	99,486	101,177	200,663

Волынская губерния.

Житомирский	14,141	14,070	28,211
Новоградъ-Волынский	10,664	10,836	21,500
Заславльский	6,161	6,529	12,690
Владимиръ-Волынский	5,756	6,331	12,087
Кременецкій	5,480	5,637	11,117
Старо-Константиновскій	5,122	5,441	10,563
Луцкій	4,441	4,385	8,826
Ровенскій	3,862	4,111	7,973
Острожскій	3,179	3,015	6,194
Дубенскій	2,441	2,619	5,060
Овручскій	2,260	2,356	4,616
Ковельскій	1,612	1,642	3,254
Итого въ губерніи	65,119	66,972	132,091

Всего въ Юго-Западномъ краѣ. 192,250 196,850 389,100

Приведемъ теперь данные о процентномъ отношеніи католиковъ, какъ ко всему числу жителей, такъ и особо къ числу православныхъ:

Процентное отношеніе.

<i>Киевская губерния.</i>	Противъ всего числа жителей.	Противъ числа православныхъ.
Бердичевскій	10,31%	18,39%
Сквирскій	8,20	10,07
Радомысьльскій	3,84	4,77
Васильковскій	3,41	4
Киевскій	2,90	3,30
Липовецкій	5,34	6,33
Таращанскій	2,40	2,69
Звенигородскій	1,20	1,33
Уманскій	1,80	2,04

Название губерний и уездовъ.	Противъ всего числа жителей.	Противъ числа православныхъ.
Каневскій	0,61%	0,69%
Черкасскій	0,70	0,76
Чигиринскій.	0,45	0,53
Итого въ губерніи	3,40	4,04

Подольская губерния.

Проскуровскій	25,33%	40,86%
Каменецъ-Подольскій	16,84	24
Ушицкій.	13,04	17,94
Могилевскій	12,79	17,09
Летичевскій	14,22	14,30
Ямпольскій	9,36	11,62
Винницкій	10,53	13,63
Литинскій	9,76	12,76
Брацлавскій	6,22	7,93
Балтскій	3,27	4,15
Ольгопольскій	3,93	4,54
Гайсинскій	3,61	4,01
Итого въ губерніи	10,34	13,44

Волынская губерния.

Житомирскій.	13,14%	24,57%
Новоградъ-Волынскій	11,48	16,28
Заславльскій.	9,23	11,45
Владиміръ-Волынскій	8,08	10,17
Кременецкій.	8,27	9,73
Староконстантиновскій	7,77	10,71
Луцкій	6,92	10,20
Ровенскій	5,51	8
Острожскій	5,90	7,54
Дубенскій	4,51	5,55
Овручскій	4,10	5
Ковельскій	2,79	3,04
Итого въ губерніи	7,90	10,32
Всего въ Юго-Западномъ краѣ	6,94	8,65

Далѣе слѣдуетъ распределеніе уѣздовъ, какъ по абсолютному числу католиковъ, такъ и по процентному отношенію ихъ къ числу православныхъ.

Абсолютное число католиковъ.

A.	Католиковъ болѣе:	35,000
B.	Проскуровскій уѣздъ.	отъ 30,000 до 35,000
C.	Каменецъ-Подольскій уѣздъ.	отъ 25,000 до 30,000
D.	Житомирскій уѣздъ.	отъ 20,000 до 25,000
E.	Ушицкій и Новоградъ-Волынскій.	отъ 15,000 до 20,000
F.	Могилевскій, Летичевскій, Ямпольскій, Бердичевскій.	отъ 10,000 до 15,000
G.	Винницкій, Литинскій, Брацлавскій, Заславльскій, Владиміръ-Волынскій, Кременецкій и Старо-Константиновскій	отъ 5,000 до 10,000
H.	Балтскій, Ольгопольскій и Гайсинскій, Киевскій, Васильковскій, Радомыльскій и Сквирскій, Луцкій, Ровенскій, Острожскій и Дубенскій.	отъ 3,000 до 5,000
I.	Липовецкій, Овручскій и Ковельскій.	менѣе 2,000 до 3,000
J.	Таращанскій и Звенигородскій.	отъ 1,000 до 2,000
K.	Каневскій, Черкасскій и Уманскій.	менѣе 1,000
L.	Чигиринскій уѣздъ.	

Относительное число католиковъ.

I.	Католики составляютъ числа православныхъ	40%
II.	Проскуровскій уѣздъ.	отъ 20 до 25%
III.	Житомирскій уѣздъ и Каменецъ-Подольскій	отъ 15 до 20%
IV.	Летичевскій, Могилевскій и Ушицкій, Бердичевскій и Новоградъ-Волынскій.	отъ 10 до 15%
V.	Ямпольскій, Винницкій, Литинскій, Заславльскій, Владиміръ-Волынскій, Старо-Константиновскій, Луцкій и Сквирскій уѣздъ.	отъ 5 до 10%
VI.	Брацлавскій, Кременецкій, Ровенскій, Острожскій и Дубенскій.	отъ 3 до 5%

Балтскій, Ольгопольскій и Гайсинскій, Овручскій и Ковельскій, Радомысьльскій, Васильковскій и Кіевскій.	
VII.	отъ 2 до 3%
Таращанскій и Уманскій.	
VIII.	отъ 1 до 2%
Звенигородскій.	
IX.	менѣе 1%
Каневскій, Черкасскій и Чигиринскій.	

Мы выше показали, что католическое населеніе здѣшняго края прости-
рается до 389,100 душъ обоего пола. Цифра эта не сходна съ числомъ
католиковъ по таблицамъ статистическихъ комитетовъ, по которымъ чи-
слится католиковъ до 412,000 душъ. Какъ мы уже сказали, наши данные
о католикахъ основаны на приходскихъ спискахъ, при чмъ иами сдѣланы
итоги католиковъ по сословіямъ, путемъ сложенія первоначальныхъ величинъ,
т. е. цифръ по каждому населенному мѣсту, въ которомъ католики прожи-
ваютъ. Цифры же статистическихъ комитетовъ основаны на итогахъ, до-
ставляемыхъ полиціею по каждому уѣзду; эти послѣдніе основаны на ито-
гахъ, доставляемыхъ становыми приставами и квартальными надзирателями; а
сіи послѣдніе основываются на итогахъ волостныхъ правленій и приходскихъ
священниковъ. Проходя чрезъ много рукъ, въ видѣ итоговъ, точность ко-
торыхъ повѣрить невозможно, эти данные легко подвержены ошибкамъ. Наши
данія, если и заключаютъ ошибку, то только нашу собственную, а не мно-
гочисленного числа составителей итоговъ.

Въ Юго-Западномъ краѣ католическихъ приходовъ 244, на каждый
приходъ среднимъ числомъ приходится 1,590 душъ обоего пола.

Число дворянъ католиковъ.

Наименование губерній и уѣздовъ.

Кіевская губернія.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Бердичевскій.	1,110	1,204	2,314
Сквицкій	735	711	1,446
Радомысьльскій	483	552	1,035
Васильковскій	576	520	1,096
Кіевскій	1,207	1,445	2,652
Липовецкій	843	830	1,673
Таращанскій	462	480	942
Звенигородскій	560	594	1,115
Уманскій	491	516	1,007

Наименование губерній и уездовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Каневской	433	440	873
Черкасский	385	417	802
Чигиринский	187	198	385
Итого въ губерніи. . .	7,472	7,907	15,379

Подольская губерния.

Проскуровский	1,092	1,301	2,393
Каменець-Подольский	3,074	3,245	6,319
Ушицкий	1,006	1,055	2,061
Могилевский	1,621	1,745	3,366
Летичевский	757	833	1,590
Ямпольский	1,192	1,343	2,535
Винницкий	944	1,062	2,006
Литинский	896	946	1,842
Брацлавский	1,140	1,258	2,398
Балтский	980	931	1,911
Ольгопольский	958	987	1,945
Гайсинский	777	807	1,584
Итого въ губерніи. . .	14,437	15,513	29,950

Волынская губерния.

Житомирский	3,441	3,327	6,768
Новоградъ-Волынский	715	891	1,606
Заславльский	783	842	1,625
Владимиръ-Волынский	403	570	973
Кременецкий	560	570	1,130
Старо-Константиновский.	756	832	1,588
Луцкий	702	519	1,221
Ровенский.	741	928	1,669
Острожский	539	525	1,064
Дубенский	1,095	1,143	2,238
Овручский.	720	730	1,450
Ковельский	348	357	705
Итого въ губерніи. . .	10,803	11,234	22,037
Всего въ Юго-Западномъ краѣ.	32,712	34,654	67,366

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что наибольшее число дворянъ, а именно, болѣе 6,000 душъ въ уѣздахъ: Каменецъ-Подольскомъ и Житомирскомъ; болѣе 3,000 душъ Могилевскомъ; болѣе 2,000 душъ — Бердичевскомъ, Киевскомъ, Проскуровскомъ, Ушицкомъ, Ямпольскомъ, Винницкомъ, Брацлавскомъ и Дубенскомъ; болѣе 1,000 душъ — Сквирскомъ, Радомыльскомъ, Васильковскомъ, Липовецкомъ, Звенигородскомъ, Уманскомъ, Летичевскомъ, Литинскомъ, Балтскомъ, Ольгопольскомъ, Гайсинскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, Заславльскомъ, Кременецкомъ, Староконстантиновскомъ, Луцкомъ, Ровенскомъ, Острожскомъ и Овручскомъ; остальные уѣзды менѣе 1,000 душъ. Наиболѣе дворянъ-католиковъ въ Подольской губерніи, а именно 44% всего католического дворянства Юго-Западнаго края. Дворяне-католики Волынской губерніи составляютъ 32% и Киевской — 24. Число дворянскихъ католическихъ семействъ можно считать приблизительно до 12,000. Дворяне-католики составляютъ главнѣйшую, не только по имуществу и образованію, но и по численности, часть поляковъ здѣшняго края. Какъ ниже увидимъ, они составляютъ болѣе двухъ третей всего числа поляковъ.

Если мы обратимся къ цифрамъ, заключающимся въ таблицахъ статистическихъ комитетовъ, то увидимъ, что, напримѣръ, въ Подольской губерніи дворянъ числится 22,651 душа; между тѣмъ, по приходскихъ спискамъ ихъ считается въ этой губерніи 29,950. Мы въ правѣ считать нашу цифру болѣе вѣрною, какъ полученную изъ первоначальныхъ числовыхъ данныхъ, т. е. изъ данныхъ по каждой деревнѣ, принадлежащей къ извѣстному приходу. Въ Волынской губерніи, по свѣдѣніямъ статистическихъ комитетовъ, дворянъ числится 30,115 душъ. По нашимъ свѣдѣніямъ дворянъ-католиковъ 22,037; слѣдовательно, надо предполагать, что православныхъ дворянъ 8,078, что близко къ истинѣ, такъ какъ въ Волынской губерніи, кромѣ православныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ, а также проживающихъ въ городахъ отставныхъ чиновниковъ, въ Овручскомъ уѣздѣ значительное число православной „околичной“ шляхты. Что же касается до Киевской губерніи, то данныхъ о дворянахъ по этой губерніи преувеличены. Такъ, по даннымъ статистического комитета за 1865 годъ *), дворянъ въ Киевской губерніи числится 56,449 душъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ преувеличено число дворянъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Васильковскомъ, гдѣ ихъ показано болѣе 5,000 душъ, Таращанскомъ, гдѣ показано до 5,000 душъ, но въ особенности преувеличено въ Сквирскомъ, гдѣ числится дворянъ бо-

*) По Подольской и Волынской губ. мы имѣемъ таблицу за 1869 г., по Киевской же за 1865 г.

лье 10,000 душъ, и частію въ Радомысьскомъ, гдѣ числится 8,000 душъ; въ послѣднемъ уѣздѣ, правда, проживаетъ православная окличная шляхта, но все-таки число это преувеличено; въ остальныхъ уѣздахъ число дворянъ болѣе или менѣе согласно съ дѣйствительностью. Такъ, число дворянъ по таблицамъ статистического комитета въ Кіевской губерніи увеличено почти на одну треть. Въ этой губерніи дворянъ не болѣе 40,000 душъ, въ томъ числѣ, какъ видно изъ нашихъ свѣдѣній, 15,379 душъ католиковъ, а остальные православные, — такъ что вообще въ Кіевской губерніи преобладаетъ дворянство православное, чтѣ обясняется не только значительнымъ количествомъ православныхъ землевладѣльцевъ въ губерніи, но и многочисленностью православныхъ дворянъ, проживающихъ въ Кіевѣ, гдѣ ихъ болѣе 10,000, куда входитъ многочисленный классъ служащихъ чиновниковъ, а еще болѣе многочисленный отставныхъ чиновниковъ-пенсіонеровъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Элементъ православнаго дворянства Подольской губерніи незначительный; въ Волынской онъ болѣе 25%, благодаря православной окличной шляхтѣ и служащему и отставному православному чиновничеству; въ Кіевской же преобладаетъ православное дворянство, благодаря же гор. Кіеву частью окличной шляхтѣ и болѣе значительному, противъ прочихъ губерній, количеству православныхъ землевладѣльцевъ. Такъ что вообще въ краѣ православное дворянство составляетъ около 33,000, т. е. около трети всего числа дворянъ. Не таково отношеніе по поземельной собственности, какъ увидимъ ниже, что обясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что православное дворянство слагается главнѣйшимъ образомъ изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ и малоземельной окличной шляхты.

Примѣчаніе. По окончаніи этого труда мы получили отъ кіевскаго статистического комитета таблицу населенія за 1870 годъ, изъ которой оказывается, что дворянъ въ губерніи числится до 28,560 душъ обоего пола, такъ что даже менѣе, чѣмъ показано у насъ, и дѣйствительно цифры дворянъ по даннымъ за 1865 годъ (вошедшими въ трудъ Загоскина и Воейкова) преувеличены по тѣмъ уѣздамъ, какіе выше нами указаны, а именно по таблицѣ за 1870 годъ; въ Васильковскомъ уѣзде дворянъ 1,278 душъ, Таращанскомъ — 1,380, Сквирскомъ — 1,369 и Радомыськомъ — 1,998; следовательно данные по этимъ уѣздамъ за 1865 годъ преувеличены болѣе, чѣмъ въ 4 раза.

Число мѣщанъ-католиковъ.

Наименованіе губерній и уѣзовъ.

Мужч. Женщ. ИТОГО.

Кіевская губернія.

Бердичевский.	1,394	1,748	3,142
Сквирский	1,300	1,306	2,606
Радомыський	2,471	2,492	4,963
Васильковский	609	630	1,239

Наименование губерний и уездовъ.

Мужч. Женщ. ИТОГО.

Киевская губерния.

Киевский	496	517	1,013
Липовецкий	139	144	283
Таращанский	517	470	987
Звенигородский	196	173	369
Уманский	239	198	437
Каневский	300	315	615
Черкасский	125	121	246
Чигиринский	76	86	162
Итого въ губерніи	7,862	8,200	16,062

Подольская губерния.

Проскуровский	748	955	1,703
Каменецъ-Подольский	1,394	1,489	2,883
Ушицкий	246	272	518
Могилевский	862	839	1,701
Летичевский	344	414	758
Ямпольский	507	511	1,018
Винницкий	461	456	917
Литинский	472	475	947
Брацлавский	359	422	781
Балтский	318	288	606
Ольгопольский	251	226	477
Гайсинский	210	217	427
Итого въ губерніи	6,172	6,564	12,736

Волынская губерния.

Житомирский	6,481	6,501	12,982
Новоградъ-Волынский	4,226	4,016	8,242
Заславльский	977	1,030	2,007
Владимиръ-Волынский	8	9	17
Кременецкий	430	480	910
Староконстантиновский	668	642	1,310
Луцкій	768	819	1,587
Ровенский	1,698	1,712	3,410
Острожский	878	734	1,612

Наименование губерній и уездовъ.

Волынская губернія.

Наименование губерній и уездовъ.		Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Дубенский		498	550	1,048
Овручский		325	335	660
Ковельский		200	204	404
Итого въ губерніи . . .		17,157	17,032	34,189
Всего въ Юго-Западномъ краѣ . . .		31,191	31,796	62,987

Примѣч. Въ числѣ мѣщанъ-католиковъ показаны такъ называемые „граждане“, а также и незначительное число купцовъ католиковъ.

Между мѣщанами-католиками такихъ, которыхъ можно признать поляками, весьма незначительный процентъ. Только часть такъ называемыхъ „гражданъ“ и немногіе изъ мѣщанъ въ большихъ городахъ, каковы: Каменецъ-Подольскъ и Житоміръ, вращаясь среди польского общества, ополячились. Что касается до малыхъ городовъ, то тамъ изъ числа католиковъ-мѣщанъ рѣдкіе могутъ быть сочтены за поляковъ. Такъ что вообще въ числѣ католиковъ-мѣщанъ можно считать отъ 5 до 10 поляковъ и эта цифра скорѣе будетъ бѣльше дѣйствительной, чѣмъ менѣе. Мѣщанъ-католиковъ въ Юго-Западномъ краѣ 62,987 душъ, въ томъ числѣ: въ Киевской губерніи 16,062, Подольской — 12,736, Волынской — 34,189 душъ. Такимъ образомъ наиболѣе окатоличено мѣщанъ въ Волынской губерніи. Изъ показанного числа мѣщанъ поляками можно считать не болѣе 6,400 душъ, въ томъ числѣ въ Киевской губерніи около 1,700 душъ, Подольской такое же число и Волынской около 3,000 душъ.

Число однодворцевъ-католиковъ.

Наименование губерній и уездовъ.

Мужч. Женщ. ИТОГО.

Киевская губернія.

Бердичевский	4,950	5,018	9,968
Сквицкий	1,758	1,810	3,568
Радомыльский	184	162	346
Васильковский	1,900	1,923	3,823
Кievskий	742	795	1,537
Липовецкий	1,218	1,300	2,518
Таращанский	332	300	632
Звенигородский	225	235	460
Уманский	240	228	468

Все
ники

Наименование губерній и уездовъ.

Мужч.

Женщ.

ИТОГО.

Киевская губернія.

Каневскій	—	—	—
Черкасскій	172	165	337
Чигиринскій	—	—	—
Итого въ губерніи . . .	11,721	11,936	23,657

Подольская губернія.

Проскуровскій	3,082	3,244	6,326
Каменецъ-Подольскій	4,772	4,835	9,607
Ушицкій	3,904	4,086	7,990
Могилевскій	2,437	2,560	4,997
Летичевскій	2,044	2,070	4,114
Ямпольскій	1,881	1,814	3,695
Винницкій	4,309	3,430	7,739
Литинскій	2,723	2,600	5,323
Брацлавскій	1,786	1,919	3,705
Балтскій	2,340	2,104	4,444
Ольгопольскій	1,007	1,048	2,055
Гайсинскій	1,584	1,757	3,341
Итого въ губерніи . . .	31,869	31,467	63,336

Волынская губернія.

Житомірскій	4,019	4,040	8,059
Новоградъ-Волынскій	4,236	4,437	8,673
Заславльскій	3,733	3,923	7,656
Владиміръ-Волынскій	231	241	472
Кременецкій	1,248	1,311	2,559
Староконстантиновскій	2,386	2,527	4,913
Луцкій	2,463	2,507	4,970
Ровенскій	983	1,012	1,995
Острожскій	1,118	1,225	2,343
Дубенскій	607	663	1,270
Овручскій	673	743	1,416
Ковельскій	590	602	1,192
Итого въ губерніи . . .	22,287	23,231	45,518

Всего въ Юго-Западномъ краѣ . . . 65,877 66,634 132,511

Примѣч.: Въ числѣ однодворцевъ-католиковъ показаны такъ называемые „будники“, „рудники“ и „вольные люди“ католического вѣроисповѣданія.

Въ этнографическомъ очеркѣ мы сказали, что однодворцы, т. е. чиновная, или такъ называемая „ходачковая“ шляхта, только отличается отъ малоруссовъ знаніемъ нѣсколькихъ польскихъ словъ, амбиціей и нѣкоторыми, незначительными, впрочемъ, измѣненіями въ костюмѣ. Этотъ классъ ошибочно считали поляками; между тѣмъ какъ къ полякамъ можетъ быть причислена только незначительная часть этой шляхты, а именно тѣ, которые состояли официалистами у пановъ-поляковъ. Ихъ тоже насчитывается не болѣе 10% изъ числа однодворцевъ-католиковъ *).

Однодворцевъ-католиковъ въ Юго-Западномъ краѣ, какъ выше показано, состоитъ 132,000 душъ, въ томъ числѣ поляковъ 13,200, которые распредѣляются по губерніямъ приблизительно такъ: въ Киевской 2,400, Подольской 6,300 и Волынской 4,500 душъ обоего пола.

Отношеніе числа поляковъ къ числу малоруссовъ **).

- A) Поляки противъ числа малоруссовъ составляютъ не менѣе 5%.
Житомирскій у., Каменецъ-Подольскій у.
- B) отъ 4 до 5%.
Бердичевскій у.
- C) отъ 3 до 4%.
Проскуровскій, Могилевскій.
- D) отъ 2 до 3%.
Дубенскій, Новоградъ-Волынскій, Сквирскій, Липовецкій, Ушицкій, Лети-чевскій, Ямпольскій, Винницкій, Литинскій и Брацлавскій.
- E) отъ 1 до 2%.
Заславскій, Кременецкій, Старо-Константиновскій, Луцкій, Ровенскій, Острож-Овручскій, Радомысьльскій, Киевскій, Таращанскій, Уманскій, Балтскій, Оль-гопольскій, Гайсинскій.
- F) менѣе 1%.
Ковельскій, Владимиръ-Волынскій, Звенигородскій, Каневскій, Черкаскій, Чигиринскій и Васильковскій.

Крестьяне-католики состоять отчасти изъ переселенцевъ Мазуровъ, утратившихъ свою народность, отчасти же изъ Мазуровъ, сохранившихъ свою народность, и главнѣйшимъ образомъ изъ малоруссовъ, втянутыхъ насильно

*) Есть также однодворцы православные, которые не входятъ въ наши расчеты.

**) Здѣсь выражено дѣйствительное отношеніе поляковъ къ малоруссамъ, какъ православнаго такъ и католического вѣроисповѣданія.

въ унію и затѣмъ окатоличенныхъ *). Нечего говорить, что эти послѣдніе этнографически ни чѣмъ не отличаются отъ православныхъ малоруссовъ.

Такимъ образомъ къ числу поляковъ можно причислить 5,060 душъ, крестьянъ католиковъ-мазуровъ, проживающихъ главнѣйшимъ образомъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ въ селахъ: Гречанахъ, Шаровечкахъ, Мацковцахъ, Зарѣзъ и Лезневой, а также среди другого населенія въ Балтскомъ, Ольгопольскомъ и Винницкомъ уѣздахъ. Крестьянъ-католиковъ, какъ выше показано, 126,236 душъ; наибольшее число окатоличено въ Подольской губерніи, гдѣ такъ сильна была пропаганда уніи.

Число крестьянъ-католиковъ.

Наименование губерній и уѣздовъ.

Киевская губернія.

	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Бердичевскій	177	247	424
Сквицкій	110	113	223
Радомыслскій	29	29	58
Васильковскій	60	63	123
Киевскій	76	73	149
Липовецкій	50	63	113
Таращанскій	12	14	26
Звенигородскій	10	12	22
Уманскій	17	4	21
Каневскій	—	—	—
Черкасскій	45	36	81
Чигиринскій	4	4	8
Итого въ губерніи	590	658	1,248

Подольская губернія.

Проскуровскій	14,430	14,217	28,647
Каменецъ-Подольскій	6,044	6,179	12,223
Ушицкій	5,141	5,215	10,356
Могилевскій	4,869	4,978	9,847
Летичевскій	4,841	4,909	9,750
Ямпольскій	3,876	4,101	7,977
Винницкій	2,082	2,116	4,198

*) Есть также некоторая часть изъ бывшихъ однодворцевъ, обращенныхъ помѣщиками въ крѣпостное состояніе.

Наименование губерній и уездовъ.

Мужч.

Женщ.

итого.

Подольская губерния.

Литинский	2,507	2,654	5,161
Брацлавский	1,524	1,597	3,121
Балтский	147	134	281
Ольгопольский	1,372	1,353	2,725
Гайсинский	175	180	355
Итого въ губерніи	47,008	47,633	94,641

Волынская губерния.

Житомирский	200	202	402
Новоградъ-Волынский	1,487	1,492	2,979
Заславский	668	734	1,402
Владимиръ-Волынский	5,114	5,511	10,625
Кременецкій	3,242	3,276	6,518
Старо-Константиновский	1,312	1,440	2,752
Луцкій	508	540	1,048
Ровенскій	440	459	899
Острожскій	644	531	1,175
Дубенскій	241	263	504
Овручскій	542	548	1,090
Ковельскій	474	479	953
Итого въ губерніи	14,872	15,475	30,347
Всего въ Юго-Западномъ краѣ	62,470	63,766	126,236

Сопоставимъ теперь итоги католиковъ по сословіямъ:

	Дворянъ.	Мѣщанъ.	Однодвор.	Крестьянъ.	Итого.
Кievской губ.	15,379	16,062	23,657	1,248	56,346
Подольской	29,950	12,736	63,336	94,641	200,663
Волынской	22,037	34,189	45,518	30,347	132,091
Итого	67,366	62,987	132,511	126,236	389,100

Выразимъ то же самое въ процентахъ:

Кievской	27,23%	28,55%	42,01%	2,21%
Подольской	14,93	6,33	31,57	47,17
Волынской	25,83	16,69	34,50	22,98
Итого	17,31	16,18	34,07	33,44

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ краѣ число дворянъ и число мѣщанъ-католиковъ почти одинаково; при чмъ каждое изъ этихъ сословій составляетъ въ числѣ католиковъ по одной шестой части, а однодворцы и мѣщане-католики, которыхъ цифры почти сходны, составляютъ каждое почти по двѣ шестыхъ числа католиковъ. Наибольшему окатоличенію подверглась Подольская губернія, наименьшему — Киевская.

Обозрѣвая данные о католикахъ каждого сословія, мы говоримъ на сколько это сословіе можетъ быть причислено къ составу польского населенія. Теперь сведемъ эти данные:

Число поляковъ Юго-Западнаго края.

	Дворянъ.	Мѣщанъ.	Однодворц.	Крестьянъ.	Итого.
Кievskoj gub.	15,379	1,700	2,400	— до 19,500	
Подольской . .	29,950	1,700	6,300	5,060	43,000
Волынской . .	22,037	3,000	4,500	—	28,500
Всего . .	67,366	6,400	13,200	5,060	91,000

Такимъ образомъ въ числѣ католиковъ поляки далеко не преобладаютъ; они составляютъ всего 25%; остальные 75% католиковъ — малоруссы, которыхъ около 298,000 душъ, такъ что, съ православными малоруссами, которыхъ около 4.450,000, все малорусское населеніе Юго-Западнаго края составляетъ около 4,750,000 душъ обоего пола. На это многочисленное населеніе поляки составляютъ ничтожный процентъ, что видно изъ слѣдующихъ за симъ процентныхъ отношеній.

Экономическія данные о русскомъ и польскомъ землевладѣніи въ юго-западномъ краѣ. — До 1862 года землевладѣніе русское и польское находились въ слѣдующемъ отношеніи:

ПРИНАДЛЕЖАЛО ПОЛЯКАМЪ:

	Имѣній.	Душъ крест.	Какая часть всѣхъ крест.	Количество земли въ %
Волынская губ.	2,887	817,327	18/19	92%
Подольская	1,194	930,927	6/7	90
Кievskaja	1,412	896,251	3/4	85

РУССКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ:

Кievskaja губ..	357	250,000	1/4	15%
Подольская	137	135,000	1/8	10
Волынская	160	46,000	1/18	8

Въ настоящее время землевладѣніе измѣнилось; русское землевладѣніе почти удвоилось со времени крестьянской реформы, и если въ 1862 г. оно простиралось до 900,000 десятинъ, то въ настоящее время простирается приблизительно до 1.500,000 десятинъ.

У польскихъ помѣщиковъ состоитъ земли:

въ Кіевской губ.	до 1.500,000	десятинъ.
„ Подольской . . .	1.800,000	“
„ Волынской . . .	2.700,000	“
Итого . . .	6.000,000	десятинъ.

Такимъ образомъ русскіе помѣщики владѣютъ одною пятой или 20% всей помѣщичьей земли. Цѣнность поземельной собственности польскихъ помѣщиковъ будетъ простираться приблизительно на сумму до 180.000,000 рублей, а цѣнность поземельной собственности русскихъ помѣщиковъ до 45.000,000 руб. Слѣдующія данные покажутъ состояніе землевладѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ:

	Общее число выкуп. акт. и сдѣлокъ.	Число крест. выкуп. надѣл.	Количество выкуп. земли.	Выкупная ссуда.
Кіевская . . .	2,082	517,442	1.279,306	35.447,595
Подольская . . .	2,251	493,177	1.154,614	33.545,307
Волынская . . .	3,366	377,529	1.434,273	19.691,402
Итого . . .	7,699	1.388,148	3.868,193	88.684,304

Но такъ какъ нѣкоторые выкупные акты еще не совершены, то крестьянское землевладѣніе можно считать простирающимся до 4,000,000 *) десятинъ, составляющихъ цѣнность до 120.000,000 рублей.

Такимъ образомъ землевладѣніе русскихъ помѣщиковъ и русскихъ крестьянъ менѣе землевладѣнія польскихъ помѣщиковъ; впрочемъ, если присоединить еще землевладѣніе государственныхъ крестьянъ, то составится небольшой перевѣсъ русского землевладѣнія, съ тою только разницей, что у 6,000 поляковъ помѣщиковъ столько же земли сколько у 1,000 русскихъ помѣщиковъ и 700,000 семействъ русскихъ крестьянъ.

Мы уже сказали, что цѣнность польскихъ имѣній простирается до 180.000,000 руб., ремонть въ этихъ имѣніяхъ простирается не менѣе

*) Крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, въ Юго-Западномъ краѣ до 3.070,000 душъ обоего пола, слѣдовательно, на наличную душу придется земли около $1\frac{1}{3}$ десят.

какъ на 45.000,000 руб., слѣдовательно, цѣнность имѣній и хозяйства польскихъ помѣщиковъ равняется 225.000,000 руб., да выкупныхъ платежей за крестьянскій надѣлъ на ихъ долю причтется до 70.000,000 руб., что вмѣстѣ съ предыдущимъ составить до 300.000,000 руб. Кромѣ этого во владѣніи польскихъ помѣщиковъ до 270 мѣстечекъ, капитализируя доходъ которыхъ получимъ цѣнность до 25.000,000 руб. Имъ принадлежитъ 64 сахарныхъ завода, цѣнность которыхъ простирается до 10.000,000 руб.; до 500 винокурень и до 5,000 мельницъ, на сумму до 15.000,000 руб. Слѣдовательно, цѣнность хозяйства и заведеній польскихъ помѣщиковъ здѣшняго края простирается до 350.000,000 рублей, не считая домовъ въ большихъ городахъ; если же присоединить и эти послѣдніе, то почти безошибочно можно сказать, что недвижимая собственность и хозяйство польскихъ помѣщиковъ представляетъ цѣнность въ 400.000,000 руб. Ежегодный доходъ этихъ помѣщиковъ будетъ состоять: отъ имѣній, по меньшей мѣрѣ до 20.000,000 руб., отъ винокуренія и пропинаціи до 3.000,000 руб.; отъ сахарныхъ заводовъ до 2.000,000 руб.; доходъ съ мѣстечекъ до 2.000,000 руб.; отъ мельницъ до 1.500,000 руб. и домовъ до 1.500,000 руб., такъ что ежегодный доходъ ихъ простирается до 30.000,000 руб., или другими словами, среднимъ числомъ до 5,000 рублей на каждого помѣщика.

Вотъ въ краткихъ чертахъ экономическое значеніе поляковъ въ здѣшнемъ краѣ. Что касается поляковъ не-помѣщиковъ, то ихъ экономическое значеніе ничтожно: это—или существующіе отъ частной службы въ имѣніяхъ и заводахъ, или мелкие арендаторы земель, или домовладѣльцы въ городахъ. Семейства вышепоказанного числа помѣщиковъ составлять около половины польского населенія въ здѣшнемъ краѣ, остальную часть составлять вышеупомянутыя лица.